

В. И. Мордвинцева

САРМАТЫ, САРМАТИЯ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

На карте мира, составленной Марком Випсанием Агриппой в I в. до н.э., территория, известная ранее под названием Скифия, обозначена как Сарматия. Поскольку два народа выглядели практически одинаково в глазах представителей античной цивилизации, встает вопрос о причинах смены одного этнического топонима другим. Название «Сарматия» возникло в рамках инокультурной нарративной традиции, поэтому внешним наблюдателем в качестве эпонима для этого региона могла быть выбрана наиболее активная часть варварского населения этого региона, с которой контактировали, вели переговоры, заключали союзы представители греко-римской цивилизации. Скорее всего, этнонимом «сарматы» была обозначена некая элитарная группа, являющаяся субъектом международной политики. Этот вывод косвенно подтверждается письменными и эпиграфическими свидетельствами.

Ключевые слова: сарматы, Северное Причерноморье, политическая элита, этнопоним, археологическая культура.

Сарматы, Сарматия и Северное Причерноморье – неразрывно связанные между собой дефиниции. Северное Причерноморье – понятие, под которым историки античности и археологи обычно понимают побережье Черного и Азовского морей, от устья Дуная на западе до Геленджикской бухты на востоке с основанными здесь греческими колониями¹. К прибрежной полосе с очагами античной цивилизации примыкали земли, заселенные варварами, ограниченные с севера, согласно античным представлениям, легендарными Рифейскими (или Рипейскими) горами и Ледовитым океаном². О глубине проникновения греков на варварскую территорию можно судить по данным географических руководств, упоминающих названия рек, поселений и урочищ, которые греки узнавали в ходе торговых и/или политических контактов с местным населением.

Выделение учеными этой части Понта Евксинского в особый субрегион греческой цивилизации не случайно. Северо-восточная периферия Средиземноморско-черноморского бассейна, «Нашего моря», как называли его древние географы³, с его развитым морским сообщением является одновременно западной оконечностью степного пояса Евразии, по которому проходили сухопутные маршруты. Здесь греки – земледельцы, мореплаватели, торговцы – познакомились с совершенно иным типом культуры – жителями степи, подвижными скотоводами, воинами-всадниками. Культурное своеобразие данного региона выразилось в том, что он стал ареной столкновения культур с разными типами ментальности, которые в ходе контактов и взаимоадаптации фактически соединились в симбиозе⁴.

Мордвинцева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии, Симферополь, Крым.

¹ Скржинская 1977, 37.

² Подосинов 2002, 29.

³ Mela I.1–5, 7, 19. См. Подосинов, Скржинская 2011, 21.

⁴ Khazanov 1984, 84; Di Cosmo 1999, 38; Крадин, Скрынникова 2006, 49, 59; Ivantchik 2007, 7–13; 2010, 38–40.

Все побережье Понта представлялось человеку античной культуры как одно целое, как далекая периферия ойкумены⁵, население которой называли в общем «Pontici», т.е. «понтийцы»⁶. Каждый причерноморский город обладал своей спецификой, и вряд ли северопричерноморские колонии представляли собой в сознании греков некую обособленную территорию внутри понтийского региона. Специфику северопричерноморской территории определяют, таким образом, скорее не греческие поселения, а их варварское окружение, которое в разное время в греко-римской нарративной традиции называли скифами или сарматами, а населенную ими территорию – Скифией или Сарматией.

Ионийские авторы дали этой части древней ойкумены имя Скифия. Ее западные пределы Геродот ограничивал устьем Истра, южные – горами Крыма, восточные – озером Меотида и Танаисом, северные – территорией, занимаемой племенами агафирсов, невров, андрофагов и меланхленов⁷. Но в более поздней римской традиции практически тот же регион определен как Сарматия. На карте Агриппы конца I в. до н.э., известной через Плиния Старшего, Сарматия и Скифия Таврика занимали земли между Днепром и Волгой, а также Северный Кавказ⁸. Помпоний Мела (середина I в.н.э.) описывал Сарматию как большую страну, расположенную восточнее Германии, между Вислой и Истром⁹, земли же к западу от Танаиса он заселял разными племенами, первыми из которых названы скифы¹⁰. Клавдий Птолемей (II в. н.э.) разделил Сарматию на Европейскую и Азиатскую части. Он определил границы Европейской Сарматии Сарматскими горами (Карпаты), Германией и рекой Висла на западе, Боспором Киммерийским, Меотийским озером и рекой Танаис на востоке, Понтийским морем на юге, Венедским заливом Сарматского океана и неизвестной землей на севере¹¹. Азиатскую Сарматию он разместил между Европейской Сарматией на западе и Скифией с частью Каспийского моря – на востоке, государствами Кавказа – на юге и неизвестной землей – на севере (Ptol. III. 8. 32.). Неустойчивость в определении западной и восточной границ Сарматии в греко-римской нарративной традиции, возможно, отражает динамику этнополитической ситуации, фиксируемой в различные периоды истории.

Топоним «Сарматия» является этнохоронимом, т.е. обозначает обширную историческую область, примыкающую к северному побережью Черного и Азовского морей (*объект номинации*), названную по одному из обитавших в ее пределах народов (*признак номинации*) в силу существующего к нему интереса (*мотив номинации*). Известно, что подобные наименования формируются в течение длительного времени в условиях относительной политической стабильности, после чего закрепляются в письменной традиции¹². Важно отметить, что название «Сарматия» появилось как экзохороним, т.е. было генерировано в иноэтничной, внешней по отношению к ее обитателям среде, где существовала развитая литературная традиция и были разработаны первые графические карты мира. После того как этот хороним был отображен на римских картах, которые использовались, прежде

⁵ Подосинов 2002, 29.

⁶ Mela I.14. См. Подосинов, Скржинская 2011, 78, комм. 73.

⁷ Herod. IV. 99–101.

⁸ Подосинов 2002, 57.

⁹ Mela III. 33.

¹⁰ Mela II. 2.

¹¹ Ptol. III. 5.1–18.

¹² Моця 2011, 10–12.

всего, в политико-пропагандистских и дидактических целях¹³, в сознании человека греко-римской культуры он стал прочно ассоциироваться с конкретной территорией. Созданные в Римской империи карты, в отличие от словесных описаний маршрутов в периплах и периэгесах, видимо, стали структурировать сознание ее жителей и фактически формировать реальность¹⁴. Как и в случае с колониальной политикой Нового времени, древние карты выполняли также задачу разграничения мест обитания народов, указывая их территориальные пределы там, где они находились согласно политической ситуации¹⁵.

Обозначение Восточной Европы как «Сарматии» восходит к карте мира, составленной по «Хорографии» римского политического деятеля Марка Випсания Агриппы в конце I в. до н.э.¹⁶ У авторов I в. н.э. этот этнопоним упоминается как уже вполне устоявшийся термин, хотя название «Скифия» для обозначения того же региона никогда полностью не выходит из употребления. Видимо, к I веку до н.э., т.е. перед тем, как топоним «Сарматия» был зафиксирован на графической карте мира, он уже получил признание в устной традиции, поскольку в древности введение новых фактов в научную литературу воспринималось современниками с подозрением, предпочтение отдавалось сведениям, освященным временем и авторитетом великих имен¹⁷.

Естественным образом встает вопрос о причинах смены одного этнохоронима (Скифия) другим (Сарматия). Одним из возможных объяснений этого может быть усиление в данном регионе уже существующей или появление новой группы населения, название которой стало эпонимным для всей территории, занимаемой варварскими народами к северу от черноморского побережья.

Поскольку название «Сарматия» возникло в рамках инокультурной нарративной традиции, то внешним наблюдателем в качестве эпонима могла быть выбрана наиболее активная часть варварского населения этого региона, с которой контактировали, вели переговоры, заключали союзы представители греко-римской цивилизации. Скорее всего, этнонимом «сарматы» была обозначена некая элитарная группа, являющаяся субъектом международной политики, объединенная сознанием собственной общности и, видимо, в стремлении мобилизовать вокруг себя большее число сторонников, генерирующая групповые черты и символы¹⁸. Интересно, что М.И. Ростовцев, выделяя «сарматские» памятники Приуралья, под сарматами имел в виду «господствующий класс населения»¹⁹, хотя это его мнение выражено кратко, без развернутого обоснования.

Этот вывод косвенно подтверждается письменными и эпиграфическими свидетельствами, которые относятся к эпохе, предшествующей появлению топонима «Сарматия» (IV–II вв. до н.э.). К сожалению, источники этого времени малочисленны²⁰.

В сочинении Полибия (Hist. XXV. 2.12–13) упоминается факт участия одного «из владык Европы сармата Гатала», а также представителей Херсонеса, в заключении договора 180/179 г. до н.э. между малоазийскими правителями. Видимо, в

¹³ Подосинов 2002, 15.

¹⁴ Андерсон 2001, 189.

¹⁵ Андерсон 2001, 192.

¹⁶ Подосинов, Скржинская 2011, 123 комм. 249.

¹⁷ Подосинов 2002, 27.

¹⁸ Тишков 2003, 117.

¹⁹ Ростовцев 1918, 81.

²⁰ Rostowzew 1931, 6–8; Столба 1993, 56.

данном случае европейские сарматы в лице их лидера выступили одним из гарантов мирного соглашения. По мнению С.Р. Тохтасьева, это упоминание могло означать политический контроль сарматов над европейскими территориями, в то время как само место их локализации могло оставаться в районе Танаиса и Меотиды²¹. М.И. Ростовцев относил к тому же времени события легенды о сарматской царице Амаге, переданной Полиэном, который, видимо, опирался на некий херсонесский источник²². По легенде царица защищает Херсонес, находящийся под протекторатом сарматов, от напавших на него скифов.

Ольвийский декрет в честь Протогена (IOSPE I², 32), датирующийся 20–10 годами III в. до н.э.²³, подробно описывает угрожающее положение Ольвии. В источнике прямо не называются сарматы, хотя упомянутые в декрете этнонимы саи и савдараты некоторые ученые относят к сарматским племенам²⁴. В соответствии с текстом декрета регулярную дань с этого города получал царь Сайтафарн, который в случае недовольства ее размером мог выступить против него военным походом.

Ю.Г. Виноградов в херсонесском декрете «о несении Диониса» (IOSPE I², 343) восстанавливает чтение «сарматы» по окончанию *-ματαv* и возможно предвещающей их букве *ρ*, отпечаток верхней части которой сохранился, по его мнению, на эстампаже²⁵. Упоминанием сарматов может также считаться херсонесский декрет времени Диофанта, в котором говорится о нападении скифов и «са...» на город Калос Лимен (IOSPE I², 353).

Все эти источники в той или иной мере свидетельствуют о наличии института «покровительства» контролирующих степь этнополитических группировок греческим полисам, прежде всего Херсонесу и Ольвии. Эффективными средствами воздействия этих группировок на оседлое население Северного Причерноморья были, с одной стороны, организация военных набегов, с другой – защита от подобной опасности. Этот вывод в какой-то мере подтверждает собственная традиция ираноязычных кочевников, благодаря консервативности условий обитания сохранившаяся в горных районах Северного Кавказа (Нартовский эпос осетин), которая упоминает о грабительских набегам нартов на причерноморские города²⁶. Примеры подобных взаимоотношений оседлого земледельческого и подвижного кочевого населения хорошо известны в мировой истории²⁷.

Таким образом, смена названия исторической области «Скифия» хоронимом «Сарматия» свидетельствует, видимо, о смене политических партнеров эллинских городов в конце III – начале II в. до н.э., но не должно с необходимостью означать заселение степи Северного Причерноморья новыми, «сарматскими», племенами в это время²⁸. Более того, эта территория могла быть населена многими этническими группами, как это показывают сведения VII книги «Географии» Страбона, источники которой восходят к этому времени²⁹.

²¹ Тохтасьев 2005, 295.

²² *Pol.* VIII. 54; Rostowzew 1931, 116–118, 123.

²³ Виноградов 1989, 182.

²⁴ Harmatta 1970, 11–12; Смирнов 1984, 67; Симоненко, Лобай 1991, 76–79; Шукин 1994, 97; Виноградов Ю.Г. 1997, 106; Полин, Симоненко 1997, 92–93; Пуздровский 2001, 87; Тохтасьев 2005, 295.

²⁵ Виноградов 1997, 115.

²⁶ См., например, «Последний поход Урызмага»: Сказания о нартах 1981, 84 сл.

²⁷ Khazanov 1984, 84.

²⁸ Тохтасьев 2005, 295.

²⁹ Rostowzew 1931, 37.

Письменные и эпиграфические источники отражают, по-видимому, взгляд на события в Северном Причерноморье со стороны представителей эллинических государств, расположенных в береговой зоне, с присущим им набором стереотипов, обусловленных уровнем социально-культурного развития их общества. То есть содержащаяся в них информация фрагментарна и однобока. Более полные и объективные сведения могут быть получены путем интерпретации археологических источников. При этом изначально встают, по крайней мере, две проблемы: 1) отличить памятники «греков» от памятников «варваров»; 2) отличить памятники «сарматов» от памятников «других варваров». Однако отождествление конкретных археологических памятников именно с сарматами является только вероятностным, в частности, по причине того, что античные авторы, помимо общегеографического смысла, употребляли этноним «сарматы» в разных значениях (причем обычно в нескольких одновременно), которые можно условно обозначить как:

1. *Позитивно-этническое*: конкретно-этническое (как отдельный народ, например сарматы) и собирательно-этническое (как группа родственных племен)³⁰.

2. *Негативно-этническое*: не-германцы³¹.

3. *Профессионально-нарицательное*: кочевники-всадники, всадники-воины (не обязательно кочевники)³².

Но при попытках оценить с этих же позиций археологический материал возникают труднопреодолимые проблемы методического характера.

Общность любой группы людей, вне зависимости от того, осознают они ее или нет, может найти свое отражение в материальной культуре в виде ее общих элементов. Однако материальная культура обществ прошлого представлена в археологических остатках фрагментарно, как в силу частичной их утраты, так и эволюции культуры. Поэтому соотнесение материальных остатков культур прошлого с определенным типом человеческих сообществ вызывает сложности. В меньшей степени это касается хозяйственно-культурных типов, которые тесно связаны с ландшафтом и другими естественными условиями проживания человеческих коллективов (климат, наличие полезных ископаемых и др.). В большей степени проблематична этническая атрибуция конкретных археологических реалий, поскольку этнос – это лишь одна из возможных форм самоидентификации групп людей, и суть этнических различий находится в ментальной сфере.

В связи с этим, если понимать под сарматами конкретное этническое объединение, то приходится признать, что шансов выделить его средствами археологии среди других одновременных этнических групп населения Северного Причерноморья немного. Кроме того, отсутствуют подробные этнографические описания «сарматского этноса», прежде всего детали, которые позволили бы сопоставить конкретные материальные остатки именно с сарматами, а не с какими-то другими народами той же языковой или хозяйственно-территориальной общности.

Несмотря на ограниченные возможности археологического материала для создания этнических реконструкций при отсутствии подробных исторических данных, именно этническая модель была изначально применена и используется в настоящее время при идентификации археологических памятников сарматов³³. На осно-

³⁰ См., например, *Strabo* XI. 6. 2; *Tac. Hist.* III. 5; *Ios. Flav. De bell.* VI. 3; *Ptol.* III. 8. 34.

³¹ См. *Tac. Germ.* 46.

³² См. *Strabo* VII. 3. 2; 3. 17; XI. 3. 3; *Tac. Ann.* VI. 33; XII. 29; *Hist.* I. 79; III. 5; *Amm. Marc.* XVI. 10. 20; XXVI. 4. 5; XXIX. 6. 8.

³³ Mordvintseva 2013.

ве стереотипов, сформировавшихся при обобщении нарративной традиции, были выработаны представления о территории обитания сарматских племен, основных этапах их этнополитической истории, и даже конкретных признаках материальной культуры³⁴. Определелись также основные направления исследования: поиск материальных следов завоевания Скифии сарматами; выявление отдельных волн миграций с востока и сопоставление каждой из них с новым сарматским этносом, что отразилось в хронологии и периодизации «сарматской археологической культуры»; выделение признаков «сарматизации» в материальной культуре других варварских народов Северного Причерноморья, а также населения греческих городов. Главным недостатком этнической модели является то, что в инновациях, появляющихся в материальной культуре различных областей Северного Причерноморья в течение сарматской эпохи, непременно видят свидетельство физического присутствия/перемещения представителей конкретного этноса, отказывая тем самым в возможности влияния других факторов (социального, политического, экономического, религиозного) на культурные изменения. Это ведет к тенденциозности и запрограммированности выводов. В итоге археологические источники выступают лишь как иллюстративный материал и не используются как полноценный источник объективной информации.

Хозяйственно-культурная модель представляется более перспективной для интерпретации изменений, фиксируемых в Северном Причерноморье в сарматскую эпоху. В понимании большинства археологов сарматы – в первую очередь кочевники³⁵. Трудными этнографов установлено, что кочевнический культурно-хозяйственный тип мало изменялся с течением времени, поскольку практически не менялись или менялись незначительно, природные условия, основной состав стада (конь, овца), орудия производства. Условия жизни кочевников таковы, что археологическими следами их жизнедеятельности могут быть остатки временных стоянок (зимников) и погребальные памятники. На подвижный образ жизни должны указывать, следовательно, преобладание курганов и чрезвычайно малое число поселений со слабо выраженным культурным слоем, или же их отсутствие³⁶. Выявление памятников кочевников позволило бы определить границы и проследить динамику распространения их культуры.

Для решения этой задачи по отношению к Сарматии рассмотрим вкратце археологическую ситуацию, которая в сарматскую эпоху, т.е. с III в. до н.э. по середину III в. н.э., сложилась в двух регионах степи Восточной Европы: Нижнем Поволжье («прародина» сарматов, согласно традиционной точке зрения) и Северном Причерноморье (территория, на которую, как полагают, была направлена «сарматская экспансия»).

Степи Нижнего Поволжья – регион, который считается большинством исследователей родиной сарматов, эталоном при сравнении с материалами других терри-

³⁴ Так, М.И. Ростовцев при поиске сарматских памятников к востоку от причерноморской Скифии опирался на представление о том, что сарматы – это новые иранские племена, связанные по происхождению с парфянским Ираном, и поэтому признаками их материальной культуры должны были стать такие особенности прикладного искусства как полихромия и звериный стиль, огненные ритуалы, особый тип вооружения (Rostovtzeff 1922, 121–124). Многие исследователи в качестве типично сарматских (этнических) признаков рассматривают археологические свидетельства высокого положения женщины в обществе (Граков 1947; Скрипкин 1990; 1997).

³⁵ Мошкова 1989, 164; Скрипкин 1990, 3.

³⁶ Бунятян 2002, 158.

торий. Широкомасштабные раскопки многочисленных экспедиций ИА и ЛОИА АН СССР / РАН, а также местных научных организаций – Волгоградского государственного педагогического института и Волгоградского государственного университета, проведенные в 1950–1990-е годы, дали обширный материал, который в большой своей части опубликован, в том числе в монографиях³⁷. Основными археологическими памятниками на этой территории в IV в. до н.э. – IV в. н.э. являются погребения в курганах. Здесь обнаружено также несколько находок вещей в курганных насыпях без человеческих остатков II– I вв. до н.э. (так называемые «ритуальные клады»). Материал представлен практически одной категорией памятников, что делает возможным их более или менее корректное сопоставление между собой. Соответственно, по изменениям в погребальном обряде в «развитии культуры» выделяется три этапа: раннесарматский, или «прохоровский» (IV–III – I в. до н.э.; с выделением особого «развитого» этапа середины – второй половины II в. до н.э. – I в. до н.э.); среднесарматский (I в. – середина II в.); позднесарматский (вторая половина II–IV в.)³⁸.

К IV–III вв. до н.э. относится небольшое число погребальных комплексов. Их сложно датировать, поскольку они очень бедны погребальным инвентарем. Построив шкалу относительной хронологии погребений, В.М. Клепиков выделил группу комплексов III в. до н.э.³⁹ Примерно с середины II в. до н.э. количество курганных некрополей в Нижнем Поволжье значительно возрастает. Большинство их непрерывно использовалось до III в. н.э., что говорит об относительной стабильности здешнего населения. Формы погребальных сооружений разнообразны: узкие прямоугольные могилы, ямы с заплечиками, подбойные могилы и катакомбы. В одном могильнике и даже в одном кургане могут быть представлены разные формы могил. Погребения, как правило, впущены в курганные насыпи более раннего времени. Погребенные лежат на спине, вытянуто, головой на юг, хотя ориентировка может сильно варьировать, особенно в курганах, где могилы расположены по кругу. Стандартный набор погребальных приношений состоит из ноги барана с ножом и лепного сосуда. Реже в погребениях людей обоего пола находят лепные курительницы, бронзовые зеркала (часто во фрагментах). Мужские захоронения сопровождается оружие (меч, кинжал, стрелы), оселки, пряжки. В женских погребениях находят украшения (бусы, височные подвески или серьги), пряслица, туалетные ложечки. При этом отмечены женские погребения с оружием и мужские погребения с бусами и пряслицами. Многочисленные в этот период детские погребения обычно безинвентарны, либо содержат только стандартный набор погребальных приношений.

В III – первой половине II в. до н.э. социальная стратификация слабо выражена в погребальном обряде. Мужские погребения различаются по составу и количеству оружия, женские – количеством и разнообразием украшений. Элитные захоронения (погребения с особенно пышным погребальным инвентарем) в это время не зафиксированы.

Ситуация изменяется в середине – второй половине II в. до н.э. Появляются комплексы, которые по составу и качеству инвентаря резко отличаются от большинства захоронений. В женских погребениях элиты обнаружены разнообразные золотые

³⁷ См., например, Шилов 1959; 1975; Смирнов 1960; Максименко 1983; Мамонтов 2000; Сергацков 2002.

³⁸ Скрипкин 1990.

³⁹ Клепиков 2002.

украшения, в том числе браслеты с зооморфными окончаниями, драгоценные чаши и т.д. Наибольшее число импортных статусных вещей указывает на связи с Прикубаньем, некоторые предметы связаны по происхождению с эллинистическим Востоком (прежде всего с селевкидским Ираном). К этому периоду относится также несколько детских погребений, которые также могут быть интерпретированы как комплексы элиты. В них обнаружены золотые браслеты и золотые височные подвески. Наличие детских погребений с предметами социального престижа может служить свидетельством наследования социального статуса в обществе⁴⁰.

В мужских захоронениях элиты появляются новые, не известные ранее категории вещей: золототканая и расшитая золотыми бляшками одежда, мечи в украшенных золотом ножнах, деревянные чаши с золотыми обкладками, деревянные резные, покрытые золотом пластины (так называемые «ритуальные жезлы»)⁴¹, поясные наборы, украшения упряжи. Особенно показательны находки поясных пластин разнообразных форм и выполненных из различных материалов (золота, серебра, бронзы, гагата). Аналогичные артефакты происходят из погребальных комплексов евразийских степей от Урала до Монголии и Китая⁴². До II в. до н.э. у населения Нижнего Поволжья была, видимо, другая традиция ношения поясов: вместо поясных пластин и пряжек использовались заканчивающиеся ворворками завязки⁴³.

Интересное явление, зафиксированное только для района Волго-Донского междуречья и Волжского Левобережья, представляют собой находки в курганах ритуальных захоронений вещей без человеческих остатков: в Жутово, курган 27⁴⁴, и Качалинской⁴⁵. В этих «кладах» представлены в основном украшения и детали упряжи, а также фрагментированные драгоценные сосуды.

Особое место среди мужских комплексов элиты занимает погребение 1 Косики второй половины I в. до н.э.⁴⁶ Оно было совершено вне курганного могильника, в естественном холме («бугор Бэра») и содержало большое количество статусных вещей. Часть из них, очевидно, имеет прикубанское происхождение: серебряная ложка с головкой хищника на конце, золотые браслет-наруч, малые бляхи-фалары, футляр для бритвы. К этому комплексу относится также целая серия импортных серебряных сосудов, в том числе эллинистическая полусферическая чаша с позолоченным гравированным орнаментом, таз италийского производства, сосуд с крышкой и ручками в виде кабанов, а также пиксида с гравированным орнаментом. Чаша, судя по схеме орнамента, происходит, видимо, из эллинистического Ирана⁴⁷. Гравированные изображения на сосуде с зооморфными ручками и на пиксиде также говорят в пользу их иранского производства⁴⁸. Там же были изготовлены, по-видимому, седельные парные фалары⁴⁹. Ножны меча с выступами по краям имеют аналогии в памятниках Алтая⁵⁰. Поясные пряжки традиционно соотносят-

⁴⁰ Renfrew, Bahn 1991, 176; Иванова 2000, 392.

⁴¹ Мордвинцева, Хабарова 2006.

⁴² Brosseder 2012, 350. Fig. 1.

⁴³ Клепиков 2002, 78–79.

⁴⁴ Мордвинцева 1994.

⁴⁵ Сергацков 2009.

⁴⁶ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993; Treister 2005.

⁴⁷ Pfrommer 1987, 155–156, КТК 8–9. Pl. 11–12.

⁴⁸ Фон Галль 1997, 174.

⁴⁹ Mordvinceva 2001, 38; Мордвинцева 2003, 52.

⁵⁰ Кубарев 1991, 76. Рис. 17; Могильников 1997, 171. Рис. 41, 9; Кызласов 1960, 109. Рис. 36, 16, 18.

ся с предметами из Сибирской коллекции, хотя точное их происхождение трудно установить с определенностью⁵¹. Ложковидные подвески встречаются в поясных наборах на широкой территории Евразийской степи: в Западном Прибайкалье⁵², в Хакасско-Минусинской котловине (тагарско-таштыкский этап II–I вв. до н.э.)⁵³. Самой удивительной находкой в этом погребении являются золотые листья погребального венка⁵⁴. Венки играли важную роль в погребальной практике греков и римлян⁵⁵. Их находят в греческих и римских погребениях начиная с классического периода до конца римского времени, в том числе в некрополях греческих городов Северного Причерноморья. На варварской периферии Боспора, в могильниках Нижнего Поволжья, Прикубанья и Северного Кавказа остатки погребальных венков не известны. Захоронение Косики – редкий случай использования этого типично греческого элемента погребального ритуала на обширной варварской территории от Кубани до Волги.

Таким образом, женские и мужские погребальные комплексы элиты этого периода показывают различное направление связей. В женских погребениях преобладают предметы социального престижа, указывающие на контакты с Прикубаньем и эллинистическим Ираном. Мужские погребения выявляют связи с культурами Алтая и Минусинской котловины, а также с эллинистическим Ираном и Прикубаньем.

Период с I по середину II в. н.э. отмечен определенными изменениями в погребальном обряде. Археологические памятники этого периода представлены исключительно курганными погребениями. Формы могильных ям остаются прежними, но в это время впускные погребения в курганы более раннего времени постепенно сменяются основными погребениями под небольшими индивидуальными насыпями. Резко уменьшается число детских погребений. Стандартный набор погребальных приношений практически не меняется, но среди посуды преобладают гончарные сосуды, обычно представленные миской и кувшином.

В то же время изменяется качественный состав погребального инвентаря комплексов элиты. В них преобладают вещи, изготовленные в Северном Причерноморье, хотя часто и по восточным образцам. В комплексах высшей элиты среди «дальних» импортов, современных погребениям, большую долю составляет теперь римская бронзовая и серебряная посуда. Специфика погребений элиты данного региона представлена чашами с зооморфными ручками.

В период со второй половины II до IV в. н.э. наблюдается определенная стандартизация погребального обряда. Погребения совершаются в курганах под индивидуальными насыпями. Среди форм могильных ям преобладают подбойные и узкие прямоугольные могилы. Умерших кладут в могилу головой на север. Многие черепа несут следы искусственной деформации. При этом стандартный состав погребальных приношений не меняется. По-прежнему это глиняная посуда и кости передней ноги овцы с ножом. Вновь увеличивается процент лепной посуды. В это время количество погребений элиты значительно сокращается, среди них нет выдающихся погребений, демонстрирующих дальние социальные связи.

Обзор археологических памятников Нижнего Поволжья позволяет сделать следующие выводы. Стандартные погребения в этом регионе в течение всей сар-

⁵¹ Мордвинцева 2003, 44.

⁵² Угольков, Уголькова 2001. Табл. СШ, 1.

⁵³ Кызласов 1960, 82. Рис. 29, 8.

⁵⁴ I Tesori... 2005. Cat. 79–85.

⁵⁵ Kurtz, Boardman 1971, 163.

матской эпохи отличает наличие животной пищи в виде ноги барана и посуды – лепной или гончарной. Для мужских ординарных погребений характерно наличие оружия, для женских – украшений (височные кольца, бусы), пряслиц, зеркал.

Сравнение состава погребальных комплексов элиты различных хронологических периодов показывает изменение вектора социально-политических контактов примерно с середины I в. до н.э. До этого времени элита Нижнего Поволжья была связана, видимо, в основном, с Прикубаньем и культурами евразийской степи. Во второй половине I в. до н.э. в Нижнем Поволжье впервые появляются элитные погребения с особенно богатым и разнообразным инвентарем (Косика), которые особенно хорошо представлены комплексами I в. н.э. (курганные могильники Жутово, Октябрьский, Барановка, Бердия и др.). Наличие в этих погребениях большого количества импортов италийского и провинциально-римского производства, а также гончарной керамики и ювелирных изделий северопричерноморского происхождения указывает на *переориентацию политической элиты* нижневолжского региона на центры античной цивилизации. Находка китайского лакового изделия в одном из погребений могильника Октябрьский, расположенного на месте древней волго-донской переволоки⁵⁶, свидетельствует также о том, что местные племена выступали посредниками в трансевразийской торговле, объединяющей степь и бассейн Средиземного моря. Появление элитных погребений маркирует ситуацию перегруппировки политической элиты, централизации власти, борьбы за сферы влияния и доступ к благам цивилизации⁵⁷. Исчезновение со второй половины II в. н.э. погребений с особо пышными погребальными приношениями может означать дезинтеграцию элит, что могло быть вызвано определенной потерей интереса античных центров к этой территории, нарастанием конфликтов между самими этими центрами и началом упадка Римской империи, сопровождавшегося неспособностью контролировать ситуацию на всех ее границах.

Теперь обратимся к памятникам собственно Северного Причерноморья, т.е. территории, которая фигурировала в античной нарративной традиции как Сарматия – степи между Днепром и Доном, примыкающей к северному побережью Черного и Азовского морей. В этом регионе археологические памятники сарматской эпохи представлены поселениями, курганными и грунтовыми погребениями, а также ритуальными кладами. Разнообразие памятников, видимо, является причиной того, что до сих пор не создана единая непротиворечивая периодизация, учитывающая все их категории. К этой территории обычно применяется периодизация, разработанная на материале памятников волго-уральских кочевников⁵⁸, что в известной степени искажает реальную картину.

ПОСЕЛЕНИЯ

В рассматриваемый хронологический период на территории, прилегающей к северному побережью Черного и Азовского морей, В.П. Былкова выделяет две основные группы поселений: так называемые «позднескифские» городища и городища сельской округи Ольвии⁵⁹. Под позднескифской культурой исследователи понимают в основном остатки материальной культуры скифов, которые продвинулись из степей Нижнего Днепра в Крым в результате предполагаемого сарматского

⁵⁶ Мордвинцева, Мыськов 2005.

⁵⁷ Quast 2009.

⁵⁸ Simonenko 2008, 12–16.

⁵⁹ Былкова 2007.

завоевания⁶⁰. «Позднескифскими» называют также памятники Северного Причерноморья (Нижнее Поднепровье), которые, судя по их типам (поселения, грунтовые могильники) не могли быть оставлены кочевниками. А поскольку за эталон сарматской культуры приняты кочевнические памятники Нижнего Поволжья, с точки зрения авторов публикаций нижнеднепровские городища не могли принадлежать сарматам. В конце сарматской эпохи (II – начало III в. н.э.) в западной части региона появляются неукрепленные поселения (селища) черняховской культуры⁶¹.

«Позднескифские» городища располагаются в северной части Нижнего Приднепровья. К моменту их основания уже прекратили свое существование более ранние «скифские» городища. «Скифскими» в данном контексте называются памятники археологической культуры, распространенной на территории Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.⁶²

Поселения ранней «скифской» группы находились на левобережье Днепра, по берегам р. Конки и ее притоков, а на правобережье – по берегам р. Пидпильной и ее притоков. Наиболее известное среди них – Каменское городище⁶³. Они были основаны в начале IV в. до н.э. и просуществовали не позднее, чем до конца первой – начала второй четверти III в. до н.э.⁶⁴ Прекращение жизни на скифских поселениях Днепра произошло довольно резко и практически одновременно, по всей видимости, в результате какой-то катастрофы.

Новые поселения были основаны в целом на той же территории, но на новых местах при отсутствии четко выраженного культурного слоя «скифского» времени⁶⁵. «Позднескифские» городища располагаются преимущественно на правом берегу Днепра, его притоках и протоках, а на левобережье – на берегу р. Конки. Временем возникновения «позднескифских» городищ обычно считают III–II века до н.э.⁶⁶ До рубежа II–I вв. до н.э., по мнению С.В. Полина, они существовали как открытые селища, которые затем были укреплены оборонительными сооружениями⁶⁷. В.П. Былкова, напротив, синхронизирует строительство фортификационных сооружений со временем основания новых поселений⁶⁸. Судя по датировкам культурного слоя, «позднескифские» городища возникают не ранее второй половины II в. до н.э., и существуют до I–II вв. н.э.⁶⁹

Объединяют раннюю («скифскую») и позднюю («позднескифскую») группы нижнеднепровских поселений находки, связанные с добычей и обработкой железа. Отличия же между ними прослеживаются в пространственной структуре, особенностях строительства фортификационных сооружений, жилых и хозяйственных построек. «Скифские» поселения расположены большей частью на мысах и окружены земляными валами и рвами. При этом большая часть площади внутри фортификационных сооружений оставалась незастроенной. Какой-либо системы в планировке жилых и хозяйственных построек не наблюдается⁷⁰. «Позднескифские»

⁶⁰ Артамонов 1948, 57; Дашевская 1991; Попова 2011.

⁶¹ Магомедов 2001, 133–134.

⁶² Граков 1971; Ильинская, Тереножкин 1983.

⁶³ Граков 1954.

⁶⁴ Былкова 2007, 110.

⁶⁵ Былкова 2007, 42, 110.

⁶⁶ Погребова 1958, 121–122, 235–236; Гаврилюк, Абикулова 1991, 5–8, 22.

⁶⁷ Полин 1992, 107–108.

⁶⁸ Былкова 2007, 44, 114.

⁶⁹ Былкова 2007, 111–114.

⁷⁰ Былкова 2007, 41.

городища обычно ограничены с трех сторон естественными преградами (обрывистый берег, глубокие овраги), а с четвертой стороны – глубоким рвом. Вторая линия укреплений включает каменные стены и башни⁷¹. В планировке и застройке памятников «позднескифской» группы (регулярная планировка кварталов, некоторые типы построек, например «мегарон с антами») обычно видят античное влияние⁷².

Сравнивая ранние и поздние городища на Нижнем Днепре можно сделать вывод об отсутствии преемственности оставившего их населения. При этом в обоих случаях одним из основных направлений хозяйственной деятельности было железнорудное производство, основанное на добыче на месте болотной руды⁷³.

Городища сельской округи Ольвии расположены в низовьях Днепровского, Бугского и Березанского лиманов, в бассейне Среднего и Нижнего Ингульца⁷⁴. Здесь В.П. Былкова выделяет: 1) ранние поселения, возникшие практически одновременно с основанием греческих колоний на северном побережье Черного моря (конец VI–V в. до н.э.) и просуществовавшие до III в. н.э., и 2) укрепленные поселения, появившиеся в римское время⁷⁵.

Ранние поселения вытянуты вдоль берега. Фортификационные сооружения этого времени представляют собой несколько линий обороны (внешнюю и внутреннюю) в виде валов и рвов; в некоторых случаях они включают каменные стены (цитадели по обеим сторонам городища Глубокая Пристань)⁷⁶. В последние десятилетия IV в. до н.э. на нижнеднепровских поселениях, а на рубеже 330–320 гг. до н.э. на нижнебугских, происходит смена строительных периодов⁷⁷, но жизнь на них не прерывается.

Городища поздней группы с искусственными укреплениями возникают на мысах в I в. до н.э.⁷⁸ Эти поселения располагаются вокруг Ольвии в определенной последовательности, что предполагает наличие четко продуманной системы обороны⁷⁹. В.П. Былкова не исключает, что основание новых поселений в I в. до н.э. связано с появлением здесь нового населения. При этом сопровождавшиеся массовой гибелью жителей пожары и разрушения не прослеживаются ни на одной из групп поселений⁸⁰. В середине III в. н.э., когда в пожаре гибнут почти все здания Ольвии⁸¹, большинство городищ и укреплений Ольвийской округи также гибнет и запустевает⁸².

Поселения Черняховской культуры появляются в западной части региона во II в. н.э., когда прекращают свое существование некоторые из «позднескифских» городищ на Нижнем Днепре, и функционируют до IV–V в. н.э. Они располагаются в поймах рек и на пологих склонах балок⁸³ и представляют собой неукрепленные селища с регулярными рядами жилых построек – наземных домов и землянок.

⁷¹ Дашевская 1991, 143; Колтухов 1999, 49–51, 59–63.

⁷² Крыжицкий 1993, 228.

⁷³ Былкова 2007, 39.

⁷⁴ Буйских, Иевлев 1986, 64.

⁷⁵ Былкова 2007, 29.

⁷⁶ Былкова, Буйских 1993.

⁷⁷ Былкова 2007, 28.

⁷⁸ Буйских 1991, 76–77.

⁷⁹ Буйских, Иевлев 1986, 66.

⁸⁰ Былкова 2007, 29.

⁸¹ Крапивина 1993, 154.

⁸² Буйских 1991, 140; Буйских, Иевлев 1986, 74.

⁸³ Елисеев, Ключенцев 1982, 154.

По сравнению с предшествующим скифским периодом, погребальные памятники сарматской эпохи в данном регионе малочисленны. Если сравнить карту памятников IV в. до н.э. с картой комплексов III – первой половины I в. до н.э.⁸⁴, то сокращение их числа очевидно. При этом находок, датирующихся собственно III веком до н.э., или ничтожно мало, или их невозможно выделить археологически из-за отсутствия датирующего материала⁸⁵. Для периода со II в. по первую половину I в. до н.э. какие-либо крупные курганные или грунтовые могильники неизвестны. Закрытые комплексы непоселенческого характера представлены в это время одиночными погребениями в курганах и так называемыми ритуальными кладами. Со второй половины I в. до н.э. на территории Нижнего Поднепровья, Поднестровья и Северного Приазовья ритуальные клады исчезают, а наряду с одиночными погребениями в курганах и на территории городищ появляются курганные и грунтовые некрополи, которые в первую половину II в. н.э. прекращают существование. Со второй половины II в. н.э. количество могильников на территории Северного Причерноморья сокращается, памятники II–IV вв. н.э. концентрируются в основном на периферии региона: в Нижнем Подунавье и Приазовье⁸⁶. Крупных могильников этого времени в Поднепровье неизвестно.

ГРУНТОВЫЕ НЕКРОПОЛИ

Грунтовые могильники расположены вдоль излучины Днепра. Они связываются как правило с оседлым или полuosедлым населением («позднескифская» культура), в отличие от подкурганных погребений кочевников. На правобережье Нижнего Днепра исследованы три грунтовых могильника: у с. Золотая Балка⁸⁷, с. Николаевка⁸⁸ и у совхоза Красный Маяк⁸⁹ Херсонской области. Они датируются от рубежа эр до II в. н.э. Погребения Золотобалковского могильника совершены в катакомбах (большинство) и узких прямоугольных ямах. Стандартными находками в погребениях, вне зависимости от пола и возраста погребенного, являются фибулы, бусы на груди, руках и ногах, ножи, камни под телом и около него. Посуда, лепная и гончарная, и кости животных зафиксированы в единичных случаях. В захоронениях мужчин редко встречается оружие (мечи, копья, стрелы), пряжки, оселки, кремни. Для женских погребений характерны пряслица, зеркала, височные кольца, румяна. Инвентарь детских могил как правило ограничен стандартным набором.

Помимо исследованных могильников на территории нижнеднепровских городищ были обнаружены отдельные погребения, впущенные в культурный слой. Особо следует отметить погребение на территории Знаменского городища. Здесь обнаружены наглазники и нагубники из золотой фольги. При погребенном находились также золотые пронизи, мегарская чаша, лепная мисочка и бусы. Комплекс датируется II веком до н.э.⁹⁰, по составу погребального инвентаря его можно сравнить только с захоронениями Мавзолея Неаполя Скифского в Крыму, где были по-

⁸⁴ Мордвинцева 2013, 35–36. Рис. 1–2.

⁸⁵ Дискуссию по этому поводу см. Виноградов и др. 1997; Клепиков, Скрипкин 1997; Зуев 1999; Бруяко 1999а.

⁸⁶ Симоненко 1993б, 99.

⁸⁷ Вязьмитина 1972.

⁸⁸ Ebert, Schlitz 1913; Сымонович 1967.

⁸⁹ Горшкевич 1913; Вязьмитина 1972, 4, 7.

⁹⁰ Погребова 1956.

гребены представители варварской знати. На другом «позднескифском» городище Золотая Балка, под зданием № 45, был захоронен подросток, поперек ног которого лежала фрагментированная амфора, а у южной городской стены обнаружено захоронение мужчины без инвентаря. Оба погребения ориентированы головой на восток⁹¹. Два погребения I в. н.э. были зафиксированы на месте древнего рва городища у с. Гавриловка⁹².

КУРГАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Большая часть археологического материала, полученного в результате широкомасштабных раскопок, развернувшихся на территории Украины и Ростовской области в 1950–1970-х годах, была обобщена в вышедшей посмертно книге К.Ф. Смирнова⁹³, а также в работах В.И. Костенко⁹⁴, А.В. Симоненко⁹⁵, В.Е. Максименко⁹⁶. Курганные могильники традиционно связываются с культурой сарматов⁹⁷. Существует также мнение, что в курганах хоронили наиболее зажиточных обитателей городищ⁹⁸. Большинство курганных могильников сосредоточено в северном Приазовье – в бассейне Северского Донца и на р. Молочной. На правом берегу Днепра открыт курганный могильник у с. Усть-Каменка⁹⁹. Благодаря новостроечным работам на юге Украины стали известны также отдельные подкурганные погребения в Самаро-Орельском междуречье, Северном Приазовье, в междуречье Днестра и Дуная¹⁰⁰.

Курганные захоронения III–I вв. до н.э. как правило одиночны и не входят в состав крупных могильников (всего известно около 50 погребальных комплексов). В основном они представлены узкими прямоугольными могилами. Эти погребения содержат обычно один глиняный сосуд (лепной или гончарный), нож, фибулу. Кости животных отсутствуют. Поскольку антропологические определения костяков в большинстве случаев не упоминаются, специфику мужских и женских наборов определить затруднительно. Возможно, могилы с оружием (мечи, копья, стрелы), кремневыми отщепами и оселками были мужскими, а те, в которых встречались бусы, пряслица и фрагменты зеркал, – женскими.

Погребальные комплексы элиты этого времени – женские захоронения у с. Соколово (Червона могила, группа II, курган 1)¹⁰¹, с. Васильевка Старобешевского района Донецкой области (курган 1)¹⁰², случайная находка на распаханной дюне у с. Солонцы¹⁰³. Комплексы датируются второй половиной II в. до н.э. В их состав, помимо предметов, характерных для стандартных погребальных приношений, входили веретенообразные унгентарии, золотые украшения, подражающие греческим образцам (серьги, украшенные головкой льва, медальоны с изображением

⁹¹ Вязьмитина 1972, 8.

⁹² Брете 1960, 203.

⁹³ Смирнов 1984.

⁹⁴ Костенко 1977; 1978; 1980; 1983; 1993.

⁹⁵ Симоненко 1981; 1993б.

⁹⁶ Максименко 1983.

⁹⁷ Ковпаненко 1986, 7.

⁹⁸ Вязьмитина 1972, 8.

⁹⁹ Костенко 1993.

¹⁰⁰ Костенко 1977; 1978; 1980; 1983; 1993; Симоненко 1993б.

¹⁰¹ Смирнов 1984, 107.

¹⁰² Михлин 1975.

¹⁰³ Былкова 1993; Симоненко 1993б, 17–18.

греческих божеств), броши с двуигольным аппаратом застёжки, фибулы среднелатенской схемы.

В I в. до н.э. в северном Приазовье, в долине р. Молочной, появляются новые курганные могильники (Аккермень, Ново-Филипповка), которые использовались до II в. н.э. Здесь, помимо узких прямоугольных могил, представлены также погребения в подбоях, квадратных могилах и ямах с заплечиками. В ранних захоронениях этих могильников к стандартному набору погребальных приношений относятся кости передней ноги овцы с ножом, лепной или гончарный сосуд. В мужских комплексах найдены предметы вооружения (меч, стрелы). В женских – бусы на груди.

Наиболее массовые погребения I–II вв. н.э. обнаружены в Калантаевском и Усть-Каменском могильниках¹⁰⁴. В большом курганном могильнике в окрестностях Белозерского городища Г.П. Скадовским раскопано 52 кургана, где были открыты впускные погребения рубежа и первых веков н.э.¹⁰⁵ Часть погребений обнаружена в окрестностях современного г. Кривого Рога, другая – на Никопольщине¹⁰⁶.

В Усть-Каменском могильнике погребения датируются от I в. до н.э. до начала II в. н.э. Они совершены в подбойных, квадратных, узких прямоугольных могилах. Стандартный набор погребального инвентаря, независимо от пола и возраста погребенного, включает лепную и гончарную посуду (типичен набор «миска и узкогорлый сосуд»), переднюю ногу овцы с ножом, фибулы. В могилах с погребенными обоего пола изредка встречаются также оселки, обработанные куски мела. Для мужских могил характерно оружие (меч, кинжал, стрелы), пряжки, ворворки, кремни. В отдельных случаях встречаются предметы конской узда. В женских комплексах отмечены бусы на груди, руках, поясе и ногах, пряслица, иглы, лепные курильницы, зеркала. Детские захоронения как правило содержат стандартный набор либо безинвентарны.

В I в. н.э. в регионе зафиксированы курганные элитные погребения. Это женские захоронения в Соколовой Могиле (окрестности Ольвии)¹⁰⁷ и Чугуно-Крепинке (Северное Приазовье)¹⁰⁸ и мужские погребения в Запорожском кургане¹⁰⁹ и в Цветне (правый берег Днепра)¹¹⁰. Женские комплексы содержали ювелирные украшения средиземноморского происхождения, предметы роскоши, привезенные из дальних стран Китая, Ближнего Востока, Римской империи. В разрушенном мужском погребении Запорожского кургана обнаружены поясные пластины и детали конской упряжи, форма и стиль которых подражают изделиям, известным по находкам от Сибири до Китая¹¹¹. Из раскопанного крестьянами кургана в Цветне происходят, помимо серебряной чаши, драгоценного поясного набора и других украшений, бронзового литого котла с костями животных, крупной греческой амфоры, фрагментов железного чешуйчатого панциря и наконечников стрел, также золотые листики погребального венка – элемент греческого и римского погребального обряда.

¹⁰⁴ Костенко 1993, 7.

¹⁰⁵ Скадовский 1897.

¹⁰⁶ Костенко 1993.

¹⁰⁷ Ковпаненко 1986.

¹⁰⁸ Simonenko 2008, 17–20, 35, 65–66. Taf. 56–66.

¹⁰⁹ Mantsevich 1982.

¹¹⁰ ОАК за 1896 г., 88–89, 213–216; Minns 1913, 147–148. Fig. 38.

¹¹¹ Мордвинцева 2003, 44, 52; Brosseder 2012.

Погребения второй половины II–III вв. н.э. немногочисленны (до двух десятков комплексов), большая часть их найдена в курганном могильнике Брилевка¹¹². В этом могильнике погребальный обряд отличается от обряда других курганных захоронений: основные подбойные могилы, северная ориентировка костяков, наличие оружия. Погребальные комплексы, обнаруженные на других могильниках, как правило, одиночны (не образуют кладбищ), погребенные ориентированы в восточный сектор, среди стандартного погребального инвентаря преобладают лепные сосуды и бусы.

РИТУАЛЬНЫЕ КЛАДЫ

Особым видом археологических памятников, обнаруженных на территории Северного Причерноморья, являются «клады» – захоронения вещей в насыпях курганов и естественных возвышенностях при отсутствии костей человеческого скелета. Большинство предметов в этих комплексах находят в поломанном виде. Они датируются в рамках от III до I в. до н.э. Впервые эти захоронения вещей назвал «кладами» А.А. Спицын, опубликовавший наиболее полную на то время подборку таких находок на территории юга Российской империи¹¹³. «Клады» содержали редкие вещи, в том числе серебряные фалары конской упряжи с художественными изображениями.

Не сразу было обращено внимание на то, что речь идет об особой группе археологических памятников. Называя публикуемые находки «кладами», А.А. Спицын не подразумевал какого-то особого ритуала, связанного с захоронениями этих вещей. Скорее всего, употребление им этого термина объясняется тем, что большинство комплексов было открыто случайно и приобретено частными коллекционерами или Императорской археологической комиссией для главных музеев страны – Эрмитажа (Санкт-Петербург) и Исторического музея (Москва). Не исключено, что подобные находки фигурировали как «клады» и у лиц, профессионально занимавшихся их поисками. М.И. Ростовцев, пристально интересовавшийся фаларами Южной России, не придавал особого значения контексту, в котором они были найдены, и называл эти комплексы просто «находками» – «finds»¹¹⁴.

Впервые на необычные обстоятельства обнаружения фаларов указал Н. Феттих. Он провел параллель с дакийскими находками, подчеркнув, что некоторые категории вещей (серебряные гривны, фибулы и другие украшения) редко встречаются в дакийских погребениях, но они дошли до нас в памятниках особого рода: «их не клали с умершим владельцем, а уничтожали после его смерти, и в этом состоянии хоронили в фамильных кладах»¹¹⁵.

Эта идея поначалу не нашла приверженцев в отечественной науке. Фалары продолжали считаться «безусловно» происходящими из разрушенных богатых погребений, инвентарь которых полностью не сохранился¹¹⁶. Но вскоре стали обнаруживаться новые клады с фаларами, теперь уже открытые или доследованные археологами¹¹⁷, что привело к интерпретации их как особой группы памятников – ритуальных кладов, которым М.Б. Щукин дал название «странные комплексы»¹¹⁸.

¹¹² Симоненко 1993б, 94–98.

¹¹³ Спицын 1909.

¹¹⁴ Rostovtzeff 1922, 136.

¹¹⁵ Fettich 1953, 128. Anm. 1.

¹¹⁶ Костенко 1978; Смирнов 1984, 80–81, 86.

¹¹⁷ Дзис-Райко, Суничук 1984; Редина, Симоненко 2002; Зарайская и др. 2004.

¹¹⁸ Щукин 1994, 97.

Первый суммарный анализ кладов провел А.В. Симоненко¹¹⁹. Он обоснованно выделил в их составе три основные категории предметов: украшения и функциональные части конского снаряжения (фалары, удила, псалии), вооружение (оружие, шлемы) и предметы роскоши (металлическая и стеклянная посуда, украшения). Исследователь также особо подчеркнул тот факт, что ни в одном случае авторы раскопок не отмечали останков человека. По его наблюдениям, этот круг памятников объединяет также топография находок: они выявлены в большинстве случаев в насыпях курганов или в естественных возвышенностях. В итоге, А.В. Симоненко интерпретировал рассматриваемые клады как памятники поминального характера, связанные с воинским культом¹²⁰. То, что эти комплексы не являются погребальным инвентарем, он аргументировал тем, что в них часто входят несколько комплектов удили и псалиев, а в погребениях даже высшей знати этого и последующего времени не содержится более одного уздечного набора¹²¹. Этот аргумент, однако, можно оспорить. *Überausstattung* – захоронение необычно большого количества предметов одного функционального назначения (особенно это касается предметов престижа) – является одним из вероятных признаков погребений элиты, подчеркивающих особый статус погребенного¹²². К тому же надо обратить внимание на тот факт, что в период с III по I в. до н.э. на территории Северного Причерноморья мужские погребения элиты, за исключением комплекса в культурном слое Каменского городища, не известны. Погребальные памятники вообще чрезвычайно малочисленны – исследовано всего несколько десятков погребений¹²³. Такая ситуация привела некоторых исследователей к выводу, что эта территория вообще не была заселена (несмотря на наличие целого ряда городищ на Нижнем Днепре). Так, Ю.П. Зайцев считает, что «вотивные клады» могли маркировать основные пути сообщения через незаселенную территорию, и являются остатками неких обрядовых действий, совершенных во время следования караванов¹²⁴.

Для интерпретации этого особого вида археологических памятников важное значение имеют обстоятельства их обнаружения (характер места находки и состояние, в котором были найдены вещи, – целые или поломанные) и состав комплекса¹²⁵. Все памятники этого типа находились вдалеке от поселений, поблизости от мест погребений или даже в насыпях курганов. Большинство предметов испорчено. Эти признаки свидетельствуют о том, что речь идет о преднамеренном захоронении вещей, совершенном без цели их последующего использования. То есть очевидно, что эти «клады» имели сакральный характер. Мотивом захоронения такого комплекса могло быть вотивное приношение неким сверхъестественным силам или посвящение умершему для загробной жизни. Вотивные приношения кельтов богам описаны Цезарем (*Gall. VI. 17.3–5*) и Тацитом (*Ann. XIII. 57*). Сакральные клады как часть погребального ритуала упоминаются в древнегерманских сагах¹²⁶.

Чтобы выяснить, к какому типу ритуальных кладов относятся северопричерноморские комплексы, обратимся к их составу. Большинство таких находок состоит из предметов упряжи и ее декоративных элементов, серебряных чаш для питья

¹¹⁹ Симоненко 1993а.

¹²⁰ Симоненко 1993а, 89.

¹²¹ Симоненко 2001, 95.

¹²² Hansen 2002.

¹²³ Симоненко 1993б, 7–29.

¹²⁴ Зайцев 2012, 71.

¹²⁵ Schmauder 2002, 35–36.

¹²⁶ Thule III. 171–172, 14. 33–34.

и фрагментов амфор, оружия, защитного доспеха, реже украшений. В некоторых случаях есть сведения о том, что вещи были сложены в некое вместилище – бронзовый сосуд или шлем. Следовательно, захоронение вещей было одноразовой акцией, связанной с каким-то конкретным событием. В некоторых сопредельных Северному Причерноморью местностях, где традиция погребения подобных «кладов» получила распространение (Нижний Дон, междуречье Волги и Дона, Прикубанье), состав этих комплексов аналогичен погребальному инвентарю погребений элиты – воинов-всадников. Следовательно, событием, к которому было приурочено зарывание сакрального «клада», скорее всего, была смерть представителя элиты. Наличие одновременно нескольких наборов упряжи не противоречит, а укрепляет этот вывод.

Ритуальные клады Северного Причерноморья, скорее всего, являлись преднамеренными захоронениями предметов, связанными с погребальным обрядом. Ничтожно малое число погребений в Северном Причерноморье в период с III по I в. до н.э. может свидетельствовать о том, что в данном регионе был распространен погребальный обряд, при котором археологически невозможно зафиксировать останки погребенного (водное, воздушное погребение и т.п.). Обряд, состав ритуальных кладов и типы обнаруженных в них вещей демонстрируют близость культуры Северного Причерноморья позднеэллинистического времени культурам круга Латена на территории современной Болгарии, Румынии и Венгрии. В этих землях также была распространена традиция захоронения ритуальных кладов с драгоценными фаларами конской сбруи, серебряными чашами и т.д. Вполне очевидно, что данные регионы Восточной Европы, в том числе Нижнее Поднепровье, были включены в одну систему политических связей.

Из проведенного анализа памятников Северного Причерноморья можно сделать следующие выводы.

Археологическая ситуация в Северном Причерноморье по многим параметрам существенно отличается от картины, наблюдаемой в Нижнем Поволжье. В период с III до начала I в. до н.э. здесь, видимо, существовали погребальные обычаи, которые слабо отражены в археологическом материале. Причем те немногие захоронения, которые зафиксированы для этого промежутка времени, существенно отличаются от погребальных комплексов степи к востоку от Дона. В них отсутствует животная пища, почти не представлено оружие, в костюме используются фибулы среднелатенской схемы. Наличие же в этом регионе населения документируется существованием городищ, которые появились не позднее II в. до н.э. Следовательно, это население вряд ли можно охарактеризовать как практикующее кочевой образ жизни. Состав погребальных приношений в комплексах элиты (ритуальные «клады») свидетельствует о включенности региона в систему социально-политических связей с культурами латенского типа, распространенными на территории современных Румынии, Болгарии и Венгрии. Погребение в культурном слое Каменского городища указывает на существование контактов с варварами Крыма. Связей с культурами «кочевого типа», распространенными к востоку и юго-востоку от Дона, наоборот, не отмечено. Так что если под «сарматами» иметь в виду кочевников, памятниками культуры которых являются курганные некрополи нижеволжского облика, то до I в. до н.э. нет никаких археологических данных о проживании в Северном Причерноморье населения соответствующего хозяйственно-культурного типа.

Памятники, по погребальному обряду (курганные некрополи, типы могильных ям) и стандартному составу погребальных приношений (нога барана с ножом, сосуд) сходные с поволжскими комплексами, появляются здесь не ранее I в. до

н.э. (комплексы в Северном Приазовье, Усть-Каменка на Нижнем Днепре). Они функционировали одновременно с грунтовыми могильниками нижнеднепровских городищ, характеризующимися иным погребальным обрядом, причем в некоторых случаях курганные и грунтовые некрополи располагались недалеко друг от друга. Мужские погребения элиты отмечены появлением в них инсигний, связанных по происхождению с кочевым менталитетом (браслеты с зооморфными окончаниями, поясные пластины и детали упряжи в зверином стиле). Все элитные погребения Северного Причерноморья I в. н.э., как и аналогичные комплексы Нижнего Поволжья, содержат импортные предметы роскоши, попавшие сюда как с востока, так и с запада, что является свидетельством объединения политий, располагавшихся между двумя великими империями древности (Китай и Рим) в одну мир-систему социально-политических связей.

В последующий период (II–III вв. н.э.) в Северном Причерноморье по-прежнему сосуществовало несколько отличающихся друг от друга погребальных обрядов, которые, возможно, принадлежали обществам с различным хозяйственно-культурным укладом. Как и в случае с Нижним Поволжьем, отсутствие элитных погребений в этот период связано, видимо, с общим ослаблением контроля Римской империи над этой территорией, следствием чего было прекращение потока ценностей в данном направлении. В западной части региона в это время происходит формирование Черняховской культуры, комплексы восточной части (Северное Приазовье) по своему облику тяготеют к памятникам Нижнего Дона (городища и некрополи в дельте Дона), культура которых в это время переживает свой расцвет.

В итоге можно сделать вывод о том, что в Северном Причерноморье после того, как внезапно исчезли памятники «скифской» культуры, имевшие в целом кочевнический облик, появилось некое оседлое население, сходное с носителями культур латенского круга Северо-Западного и Западного Причерноморья. Кочевые группы появились здесь, видимо, только в I в. до н.э., причем на одной и той же территории наряду с кочевым проживало оседлое население. Такая ситуация сохранялась до конца сарматской эпохи.

Остановимся теперь на ключевой и одной из наиболее сложных проблем истории Северного Причерноморья, а именно – на проблеме завоевания Скифии сарматами – и сопоставим ее с данными проведенного сравнительного анализа.

Рассказ Диодора Сицилийского (I в. до н.э.), собравшего множество разнородных историй, о народе савроматов, который «полностью опустошил большую часть Скифии, уничтожая все на своем пути и превратив большую часть страны в пустыню» (II. 43.6–7), обычно расценивается как очевидное свидетельство завоевания сарматами Скифии, произошедшего на рубеже IV–III или в первые десятилетия III в. до н.э.¹²⁷ Предполагается, что это завоевание должно было оставить следы в материальной культуре Северного Причерноморья соответствующего времени.

В качестве материального доказательства проникновения сарматов на территорию «Скифии Геродота» М.И. Ростовцев интерпретировал находки определенных вещей в некоторых погребальных комплексах Среднего Приднепровья и Прикубанья IV–III вв. до н.э.¹²⁸ Уже во II в. до н.э., по мнению ученого, сарматы появились в Южной России компактными массами, одно племя за другим, и освоили степи Южной России сначала от Урала до Днепра, и затем до Дуная. Их продвижение маркировано почти полным исчезновением скифских могил и постепенным рас-

¹²⁷ Тохтасьев 2005, 292.

¹²⁸ Ростовцев 1918, 78–80.

пространением новых форм погребений, «похожих на них, но ни в коем случае не идентичных скифским»¹²⁹. Великая Скифия пала, скифы были оттеснены в Крым и в Добруджу¹³⁰. В построении своей концепции М.И. Ростовцев применил метод выявления этнической принадлежности археологических комплексов по «этноопределяющим» признакам материальной культуры – некоторым категориям вещей (фалары, поясные крюки, броши) или декоративным особенностям отдельных объектов (полихромия, звериный стиль). Выбор именно этих категорий и свойств был обусловлен его представлениями о характере отражения исторического процесса в предметах материальной культуры. Для доказательства восточного происхождения «этноопределяющих» категорий и качественных характеристик предметов М.И. Ростовцев широко применял метод аналогий – поиск подобия между разнородными объектами по одному или нескольким признакам. При этом исследователь оперировал лишь отдельными находками, не делая анализа всей совокупности материала.

В советский период, когда в результате широкомасштабных раскопок появился массовый археологический материал и на основе изучения памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья была выделена сарматская культура, проблема археологического подтверждения завоевания Скифии сарматами вновь стала обсуждаться. В памятниках Северного Причерноморья стали искать комплексы, аналогичные обнаруженным на «родине сарматов», в Нижнем Поволжье и Приуралье.

Согласно концепции К.Ф. Смирнова, в Северном Причерноморье в III в. до н.э. должны были появиться погребения, соответствующие «эталонным» сарматским комплексам. Передвижение сарматских племен из Поволжья–Приуралья в Нижнее Поднепровье связывалось с роксоланами¹³¹. Однако в 1950-е годы к западу от Дона по-прежнему было известно мало погребений времени предполагаемого прихода сюда поволжско-приуральского населения. И даже они демонстрировали существенные отличия от культуры Поволжья–Приуралья. К.Ф. Смирнов расценивал эту ситуацию как «самое слабое место в советском сарматоведении»¹³², полагая, что причина, вероятно, кроется в недостаточной степени изучения Северного Причерноморья, не позволяющей «проследить это первое продвижение савроматов»¹³³. Впрочем, отсутствие археологических доказательств этого продвижения никак не повлияло на общую концепцию.

В специальной работе, посвященной ранним сарматским памятникам Украины, основное число собранных для анализа погребений, имеющих общие черты с поволжскими комплексами, относилось ко времени после I в. до н.э.¹³⁴ К периоду же завоевания сарматами Скифии, т.е. к III в. до н.э., М.П. Абрамова отнесла группу кладов, которые она, вслед за К.Ф. Смирновым, интерпретировала как богатые погребения¹³⁵. Эти богатые погребения/клады, наряду с единичными находками бедных захоронений, она расценила как подтверждение «свидетельства древних авторов о начавшемся в это время массовом передвижении сарматских племен»¹³⁶, несмотря на весьма слабое их сходство с поволжскими комплексами.

¹²⁹ Rostovtzeff 1929, 43.

¹³⁰ Rostovtzeff 1922, 98.

¹³¹ Смирнов 1948; Вязьмитина 1954, 242.

¹³² Смирнов 1954, 209.

¹³³ Смирнов 1957, 18; 1984, 56, 69, 114.

¹³⁴ Абрамова 1961.

¹³⁵ Смирнов 1954, 213; Абрамова 1961, 93.

¹³⁶ Абрамова 1961, 94–95.

Идея о том, что клады являются неопровержимым свидетельством перемещения сарматов из Нижнего Поволжья в Поднепровье, была затем более подробно изложена в вышедшей посмертно книге К.Ф. Смирнова¹³⁷. Именно этим комплексам он отводил роль одного из индикаторов сарматского поступательного продвижения с востока на запад. Изучая материалы кладов, исследователь столкнулся с некоторыми категориями вещей, совершенно нехарактерными для раннесарматской культуры Поволжья/Приуралья – кельтскими шлемами, фибулами среднелатенской схемы, а также с выделенными М.И. Ростовцевым в качестве важного признака «первой сарматской волны» фаларами, которые до сих пор не играли значительной роли в системе доказательств К.Ф. Смирнова.

Окончательный вывод книги совпадает с позицией исследователя, высказанной в других его работах. Мощные союзы племен, сформировавшиеся в Южном Приуралье и Поволжье, в IV–III вв. до н.э. «настолько усилились и окрепли, что оказались способными на крупные завоевания и переселения на Северный Кавказ и в политически ослабленную Скифию»¹³⁸. Радикальное отличие облика археологической культуры Северного Причерноморья от «эталонного» региона К.Ф. Смирнов объяснял тем, что «возможно, сарматы-“прохоровцы” несколько изменили культуру, перекочевав в другие районы, как это мы обычно наблюдаем в среде кочевников, все более терявших связи с прежней родиной»¹³⁹.

Отсутствие в Северном Причерноморье погребальных комплексов, аналогичных поволжско-уральским, в период предполагаемого активного завоевания этого региона сарматами, а также резкое исчезновение скифских курганов с начала III в. до н.э., за которым последовало почти полное исчезновение археологических памятников – погребальных и поселенческих, обусловило формирование другого взгляда на проблему завоевания Скифии сарматами. С.В. Полин отрицает появление сарматов в Северном Причерноморье ранее второй половины II в. до н.э.¹⁴⁰, а прекращение скифской культуры объясняет тем, что в III в. до н.э. степь опустела из-за резкой аридизации климата¹⁴¹. Исследователь проанализировал комплексы степи Северного Причерноморья, относимые к IV–III и III в. до н.э., и пришел к выводу, что датировку одних необходимо понизить до конца IV в. до н.э., а других – повысить до II в. до н.э.¹⁴², совершенно исключив, таким образом, III век до н.э. из хронологической шкалы. Сходная ситуация, по его мнению, наблюдается и на соседних территориях – в Прикубанье, Подонье и Волго-Донском междуречье, а также в более отдаленных регионах – Центральном Казахстане, Южном Прибалхашье и Туве¹⁴³.

Эта концепция подверглась критике как со стороны археологов, так и историков¹⁴⁴. С одной стороны, хронологический анализ, проделанный С.В. Полиным, выглядит недостаточно последовательным, некоторые комплексы должны определенно датироваться III веком до н.э.¹⁴⁵ С другой стороны, археологические памятники Нижнего Днепра, датированные II–I вв. до н.э., также образуют очень

¹³⁷ Смирнов 1984.

¹³⁸ Смирнов 1984, 115.

¹³⁹ Смирнов 1984, 77.

¹⁴⁰ Полин 1992, 80.

¹⁴¹ Полин 1992, 104, 117.

¹⁴² Полин 1992, 66, 145–146.

¹⁴³ Полин 1992, 66–72, 104.

¹⁴⁴ Виноградов Ю.Г. 1997, 106–107; Бруяко 1999б.

¹⁴⁵ См., например, Клепиков 2002.

небольшую группу, и отличаются от поволжских, донских и кубанских. Таким образом, когда сарматы, в соответствии с исторической парадигмой, основанной на письменных источниках, должны были достичь Дуная, в степях между Дунаем и Доном отсутствуют памятники, сравнимые с распространенными на территории сарматской «родины» – Поволжья и Приуралья.

Проведенный выше обзор письменных свидетельств и анализ археологических памятников Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья позволяет по-иному взглянуть на эту проблему. Поскольку специфику Северного Причерноморья в глазах представителей греко-римской цивилизации определяло кочевое население этого региона, которое одни авторы идеализировали, а другие описывали с устрашающими подробностями, то под обобщающими понятиями «сарматы» и «Сарматия» могли фигурировать различные группы населения, в том числе принадлежащие к разным культурно-хозяйственным типам. Как уже отмечалось, смена названия исторической области Скифия хоронимом Сарматия могла произойти в результате появления новых политических партнеров греческих городов в конце III – начале II в. до н.э., которые вовсе не обязательно должны были населять степи Северного Причерноморья. Достаточно было политического контроля со стороны новых лидеров над этой территорией, которая могла быть населена другими народами.

В связи с этим необходимо вспомнить другой пласт сведений о событиях в Северном Причерноморье в III–II вв. до н.э. В декрете в честь Протогена упоминаются угрожающие Ольвии галаты и скиры¹⁴⁶. Это сообщение сопоставляется со сведениями о восточной экспансии кельтов. Так, в 279 г. до н.э. кельты вторглись в Македонию, затем во Фракию, Грецию и Малую Азию. На территории Фракии в 279–213 гг. до н.э. существовало кельто-фракийское царство. Дальнейшее кельтское продвижение на восток, видимо, привело к разгрому сельской округи Ольвии и положило начало хозяйственному кризису этого города, поскольку полис потерял основную часть своей земледельческой территории, составлявшей его экономический базис¹⁴⁷. Косвенным свидетельством нашествия с запада, сопровождающегося переменами в этническом составе населения, может также считаться упоминание Страбона в регионе между Дунаем и Доном племен гетов, тирагетов и бастарнов, а также бастарнов, смешанных с фракийцами. Облик археологической культуры, распространенной на территории Северного Причерноморья в III–I вв. до н.э., также указывает на западное направление социально-политических контактов его населения.

Распространение археологических памятников кочевников в степи Северного Причерноморья в I в. до н.э. могло быть обусловлено изменениями в политической истории этого региона, связанного с расширением Римской империи и деятельностью понтийского царя Митридата VI Евпатора. В своей борьбе с Римом он обратился за поддержкой к правителям варваров (скифов), соседствующих с Боспорским царством. Вероятно, дипломатические подарки, династические браки и другие политические средства воздействия повлияли на консолидацию варварского и особенно кочевого, мира в восточной части Северного Причерноморья, что выразилось в возвышении новых центров власти и привело к появлению элитных погребений, сопровождавшихся особенно пышными погребальными приношениями на всей территории, прилегающей к северному и северо-восточному побере-

¹⁴⁶ Rostowzew 1931, 39; Виноградов 1997, 106.

¹⁴⁷ Рубан 1985, 43–44.

жью Черного и Азовского морей. Видимо, это изменило равновесие политических сил, и кочевой мир качнуло к центрам античной цивилизации.

В целом, можно предполагать, что на культуру населения степной части Европейской и отчасти Азиатской Сарматии (территорий, прилегающих к северным берегам Черного и Азовского морей) в сарматскую эпоху существенное, структурирующее влияние оказывали соседние «очаги цивилизации». Само их наличие, а также происходившие в них политические и экономические изменения являлись одними из основных экологических факторов¹⁴⁸, во многом обусловивших наблюдаемые изменения материальной культуры на «варварской» территории.

Литература

1. *Абрамова М.П.* 1961: Сарматские погребения Дона и Украины. II в. до н.э. – I в. н.э. // СА. 1, 91–110.
2. *Андерсон Б.* 2001: Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.
3. *Артамонов М.И.* 1948: Скифское царство в Крыму // Вестник Ленинградского университета. 8, 56–78.
4. *Бреде К.А.* 1960: Розкопки Гаврилівського городища рубезу нашої ери // Археологічні пам'ятки УРСР. IX. Київ, 191–203.
5. *Бруяко И.В.* 1999а: От диорамы к панораме (О перспективах на пути решения проблемы северопонтийского кризиса III в. до Р.Х.) // Стратум плюс. 3, 325–332.
6. *Бруяко И.В.* 1999б: О событиях III в. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье (Четыре концепции кризиса) // ВДИ. 3, 76–91.
7. *Буйских С.Б.* 1991: Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев.
8. *Буйских С.Б., Иевлев М.М.* 1986: О топографии городищ Нижнего Побужья первых веков нашей эры // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры / В.А. Анохин (ред.). Киев, 64–76.
9. *Бунятян К.П.* 2002: До реконструкції способу життя скотарів степової смуги Північного Надчорномор'я // Наукові Записки Національного Університету «Києво-Могилянська Академія», 20, 155–160.
10. *Былькова В.П.* 1993: Комплекс сарматского времени из с. Солонцы Херсонской обл. // СА. 1, 164–168.
11. *Былькова В.П.* 2007: Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон.
12. *Былькова В.П., Буйских С.Б.* 1993: Раскопки Глубокой Пристані // Археологічні дослідження в Україні 1991 р. Луцьк: Надтир'я, 15–16.
13. *Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я.* 1997: Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Донские древности. 5, 6–27.
14. *Виноградов Ю.Г.* 1989: Политическая история Ольвийского полиса (Историко-эпиграфическое исследование). М.
15. *Виноградов Ю.Г.* 1997: Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I (2) 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 3, 104–124.
16. *Вязьмитина М.И.* 1954: Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии / Д.Б. Шелов (ред.). М., 220–244.
17. *Вязьмитина М.И.* 1972: Золотобалковский могильник. К.
18. *Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И.* 1991: Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья. Киев.
19. *Горшкевич В.И.* 1913: Древние городища по берегам низового Днепра // ИАК. 47, 135–138.
20. *Граков Б.Н.* 1947: Г'н'вацкократороуевои: пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 3, 100–121.
21. *Граков Б.Н.* 1954: Каменское городище на Днепре (МИА, 36). М.
22. *Граков Б.Н.* 1971: Скифы. М.
23. *Дашевская О.Д.* 1991: Поздние скифы в Крыму (САИ, Д1-07). М.
24. *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* 1993: Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 3, 141–179.

¹⁴⁸ Маретина 1987, 89.

25. *Дзис-Райко Г., Суничук Е.* 1984: Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья / И. Черняхов (ред.). Киев, 148–161.
26. *Елисеев В.Ф., Ключищев В.Н.* 1982: Новые памятники первых веков н.э. в междуречье Ингульца и Березанки // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье / А.В. Гудкова (ред.). Киев, 149–154.
27. *Зайцев Ю.П.* 2012: Северное Причерноморье в III–II вв. до н.э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Н.П. Тельнов (ред.). Тирасполь, 67–72.
28. *Зарайская Н.П., Привалов А.И., Шенко Л.Г.* 2004: Курган раннего железного века у пос. Острый // Донецкий археологический сборник. 2, 130–144.
29. *Зуев В.Ю.* 1999: О путях решения «проблемы III в. до н.э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // *Stratum plus*. 3, 305–324.
30. *Иванова С.В.* 2000: О социальном устройстве ямного общества Северо-Западного Причерноморья // *Stratum plus*. 2, 388–403.
31. *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* 1983: Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.
32. *Клетиков В.М.* 2002: Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград.
33. *Клетиков В.М., Скрипкин А.С.* 1997: Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // *Донские Древности*. 5, 28–41.
34. *Ковпаненко Г.Т.* 1986: Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев.
35. *Колтухов С.Г.* 1999: Укрепления Крымской Скифии. Симферополь.
36. *Костенко В.И.* 1977: Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. / И.Ф. Ковалева (ред.). Днепропетровск, 114–137.
37. *Костенко В.И.* 1978: Комплекс с фаларами из сарматского погребения у с. Булаховка // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. / И.Ф. Ковалева (ред.). Днепропетровск, 78–85.
38. *Костенко В.И.* 1980: Культ огня и коня в погребениях сарматского времени междуречья Орели и Самары // Курганы степного Поднепровья / И.Ф. Ковалева (ред.). Днепропетровск, 83–89.
39. *Костенко В.И.* 1983: Сарматские погребения Приорелья // Древности степного Поднепровья / И.Ф. Ковалева (ред.). Днепропетровск, 61–65.
40. *Костенко В.И.* 1993: Сарматы в Нижнем Поднепровье по материалам Усть-Каменского могильника. Днепропетровск.
41. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* 2006: Империя Чингис-хана. М.
42. *Крапивина В.В.* 1993: Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев.
43. *Крыжицкий С.Д.* 1993: Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
44. *Кубарев В.Д.* 1991: Курганы Юстыда. Новосибирск.
45. *Кыласов Л.Р.* 1960: Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
46. *Магомедов Б.В.* 2001: Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин.
47. *Максименко В.Е.* 1983: Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.
48. *Мамонтов В.И.* 2000: Древнее население Левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград.
49. *Маретина С.А.* 1987: Роль природного и социального окружения в экосистемах горных народов Южной Азии // Страны и народы Востока / Д.А. Ольдерогге (ред.). М., 89–106.
50. *Михлин Б.Ю.* 1975: Сарматское погребение в Южном Донбассе // *СА*. 4, 185–192.
51. *Могильников В.А.* 1997: Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.
52. *Мордвинцева В.И.* 1994: Серебряные фалары из Жутовского курганного могильника // Петербургский археологический вестник. 8, 96–101.
53. *Мордвинцева В.И.* 2003: Полихромный звериный стиль. Симферополь.
54. *Мордвинцева В.И.* 2013: Исторические сарматы и сарматская археологическая культура в Северном Причерноморье // Крым в сарматскую эпоху / И.Н. Храпунов (ред.). Симферополь, 14–43.
55. *Мордвинцева В.И., Мыськов Е.П.* 2005: Погребение с остатками китайской лаковой шкатулки из могильника Октябрьский // Нижневолжский археологический вестник. 8, 314–318.
56. *Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В.* 2006: Древнее золото Поволжья. Симферополь.
57. *Моця О.* 2011: Українці: народ і його земля (етапи становлення). К Київ.
58. *Мошкова М.Г.* 1989: История изучения савромато-сарматских племен // Степи евразийской части СССР в скифо-сарматское время. М., 158–164.
59. *Погребова Н.Н.* 1956: Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища // КСИИМК. 63, 94–97.

60. *Погребова Н.Н.* 1958: Позднескифские городища на Нижнем Днепре // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье (МИА, 64) / К.Ф. Смирнов (ред.). М.–Л., 103–247.
61. *Подосинов А.В.* 2002: Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.
62. *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* 2011: Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.
63. *Полин С.В.* 1992: От Скифии к Сарматии. Киев.
64. *Полин С.В., Симоненко А.В.* 1997: Скифия и сарматы // Донские древности. 5, 87–95.
65. *Попова Е.А.* 2011: Позднескифская культура: история изучения, проблемы, гипотезы // Вестник Московского университета. 1, 136–147.
66. *Пуздровский А.Е.* 2001: Политическая истории Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 3, 86–118.
67. *Редина Е.Ф., Симоненко А.В.* 2002: «Клад» конца II–I вв. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани. 2. Краснодар, 78–95.
68. *Ростовцев М.И.* 1918: Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма (МАР, 37). Пг.
69. *Рубан В.В.* 1985: Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV–II вв. до н.э. // ВДИ. 1, 26–45.
70. *Сергацков И.В.* 2002: Сарматские курганы на Иловле. Волгоград.
71. *Сергацков И.В.* 2009: Клад II в. до н.э. из окрестностей станицы Качалинской // РА. 4, 149–159.
72. *Симоненко А.В.* 1981: Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья / И.И. Артеменко (ред.). Киев, 52–69.
73. *Симоненко А.В.* 1993а: Клады снаряжения всадника II–I вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая Кубанская археологическая конференция / И.И. Варченко (ред.). Краснодар, 89–90.
74. *Симоненко А.В.* 1993б: Сарматы Таврии. Киев.
75. *Симоненко А.В.* 2001: Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. 4, 92–106.
76. *Симоненко А.В., Лобай Б.И.* 1991: Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги). Киев.
77. *Скадовский Г.П.* 1897: Белозерское городище Херсонского уезда Херсонской губернии // Труды VIII Археологического съезда. М., 75–107.
78. Сказания о нартах 1981. Владикавказ.
79. *Скржинская М.В.* 1977: Северное Причерноморье в описании Плиния старшего. Киев.
80. *Скрипкин А.С.* 1990: Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
81. *Скрипкин А.С.* 1997: Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград.
82. *Смирнов К.Ф.* 1948: О погребениях роксолан // ВДИ. 1, 213–219.
83. *Смирнов К.Ф.* 1954: Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конф. ИИМК АН СССР 1952 г.) / Д.Б. Шелов (ред.). М., 195–219.
84. *Смирнов К.Ф.* 1957: Проблема происхождения ранних сарматов // СА. 3, 3–19.
85. *Смирнов К.Ф.* 1960: Быковские курганы // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции) (МИА, 78) / Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов (ред.). М., 167–268.
86. *Смирнов К.Ф.* 1984: Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
87. *Стицын А.А.* 1909: Фалары южной России // ИАК. 29, 18–53.
88. *Столба В.Ф.* 1993: Демографическая ситуация в Крыму в V–II вв. до н.э. (По данным письменных источников) // Петербургский археологический вестник. 6, 56–61.
89. *Сымонович Е.А.* 1967: Погребения I–III вв. н.э. Николаевского могильника на Нижнем Днепре // Археологические открытия за 1966 г. М., 232–233.
90. *Тишков В.А.* 2003: Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.
91. *Тохтасьев С.Р.* 2005: Saugomatae – Sarmatae – Sarmatae // Херсонесский сборник. 14, 291–306.
92. *Угольков Ю., Уголькова В.* 2001: Древности Тункинской котловины. Кемерово.
93. *Фон Галль Х.* 1997: Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики. Истоки и восприятие иранского мотива в южной России // ВДИ. 2, 174–197.

94. *Шулов В.П.* 1959: Калиновский курганный могильник // Памятники Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции) (МИА, 60) / Е.И. Крупнов (ред.). М., 323–523.
95. *Шулов В.П.* 1975: Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
96. *Щукин М.Б.* 1994: На рубеже эр. СПб.
97. *Brosseder U.* 2012: Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia* (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 5) / U. Brosseder, B.K. Miller (eds.). Bonn, 349–424.
98. *Di Cosmo N.* 1999: State Formation and Periodization in Inner Asian History // *Journal of World History*. 10. 1, 1–40.
99. *Ebert M., Schlitz A.* 1913: Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn // *Prähistorische Zeitschrift*. V. 1–2, 1–80.
100. *Fettich N.* 1953: Archäologische Beiträge zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. III, 127–178.
101. *Hansen S.* 2002: Überausstattungen in Gräbern und Horten der Frühbronzezeit // Vom Endneolithikum zur Frühbronzezeit: Muster sozialen Wandels? Tagung Bamberg 14.–16. Juni 2001 / J. Müller (Hrsg.). Bonn, 151–173.
102. *Harmatta J.* 1970: Studies in the History and Language of the Sarmatians (*Acta Universitatis de Attila József Nominatae. Acta antiqua et archaeologica*, XIII). Szeged.
103. *Ivantchik A.* 2007: Une *koinè* nord-pontique: en guise d'introduction // Une *koinè* pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p.C.) (Ausonius Editions, Mémoires, 18) / A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (éds.). Bordeaux, 7–14.
104. *Ivantchik A.* 2010: Un choc des civilisations au VIIe siècle av. J.-C.: les invasions des Cimmériens et des Scythes au Proche-Orient et les origines de la culture scythe // *La Méditerranée au VIIème siècle av. J.-C.* (Travaux de la Maison René Ginouvès, 7) / R. Etienne (éd.). P., 38–58.
105. *Khazanov A.M.* 1984: Nomads and the Outside World. Camb.
106. *Kurtz D.C., Boardman J.* 1971: Greek Burial Customs. Aspects of Greek and Roman Life. L.
107. *Mantsevich A.P.* 1982: Finds in the Zaporozhe Barrow: New Light on the Siberian Collection of Peter the Great // *AJA*. 86, 469–474.
108. *Minns E.H.* 1913: Scythians and Greeks. Camb.
109. *Mordvinceva V.I.* 2001: Sarmatische Phaleren (*Archäologie in Eurasien*, 11). Rahden.
110. *Mordvintseva V.I.* 2013: The Sarmatians: The Creation of Archaeological Evidence // *Oxford Journal of Archaeology*. 32(2), 203–219.
111. *Quast D.* 2009: Frühgeschichtliche Prunkgräberhorizonte // *Aufstieg und Untergang. Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes „Studien zu Genese und Struktur von Eliten in von- und frühgeschichtlichen Gesellschaften“* (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 82) / M. Egg, D. Quast (Hrsg.). Mainz, 107–142.
112. *Renfrew C., Bahn P.* 1991: Archaeology. Theories, Methods and Practice. L.
113. *Pfommer M.* 1987: Studien zu alexandrinischer und grossgriechischer Toreutik frühhellenistischer Zeit (*Archäologische Forschungen*, 16). B.
114. *Rostovtzeff M.* 1922: Iranians and Greeks in South Russia. Oxf.
115. *Rostovtzeff M.* 1929: The Animal Style in South Russia and China (*Princeton Monographs in Art and Archaeology*, 14). Princeton.
116. *Rostowzew M.* 1931: Skythien und der Bosphorus. Band 1. Kritische Übersicht der schriftlichen und archäologischen Quellen. B.
117. *Schmauder M.* 2002: Oberschichtgräber und Verwahrfunde in Südosteuropa im 4. und 5. Jahrhundert: zum Verhältnis zwischen dem spätantiken Reich und der barbarischen Oberschicht aufgrund der archäologischen Quellen (*Archaeologia Romanica*, 3). Bd 1. Bukarest.
118. *Simonenko A.V.* 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban* (*Archäologie in Eurasien*, 25). Mainz, 1–264.
119. I Tesori... 2005: I Tesori della Steppa di Astrakhan. Milano.
120. *Treister M.* 2005: On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and once more on the “Ampsalakos School” // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 11, 199–255.

Valentina I. Mordvintseva

On the world map compiled by Marcus Vipsanius Agrippa in the 1st century BC the territory earlier known as Scythia was designated as Sarmatia. Since both peoples were practically the same from the point of view of the Greeks and Romans, the question arises why one ethnonym was substituted for the other. The name of Sarmatia appeared within an external narrative tradition, and the observer from the outside could have chosen the name of the most active part of the Barbarian population dealing with the Greco-Roman civilization as eponym of this region. It is most probable that the term “Sarmatians” was used to designate an elite group acting as a subject of international politics. This conclusion finds some implicit corroboration in the written and epigraphic sources.

Keywords: Sarmatians, North Pontic Area, political elite, ethnotoponym, archaeological culture.

Crimean branch of the Institute of Archaeology,
Simferopol, Crimea

v_mordvintseva@mail.ru

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 1, 135–144

М. Н. Сайко

IANUS MEDIUS (ДЕНЕЖНАЯ БИРЖА НА РИМСКОМ ФОРУМЕ в I в. до н.э. – I в. н.э.)

В статье сделана попытка уточнить местонахождение денежной биржи на Римском форуме, которая там функционировала в эпоху Поздней республики и Ранней империи. Из источников известно, что эта биржа располагалась рядом с оградой храма Кастора, неподалеку от «священного колодца» (Puteal Libonis) и арки среднего Януса (Ianus medius). Если расположение первых двух не вызывает сомнения у исследователей, то относительно месторасположения Ianus medius в работах отдельных исследователей высказываются различные, часто взаимоисключающие точки зрения. В статье на основе анализа письменных источников определяется точное местонахождение Ianus medius и, соответственно, денежной биржи.

Ключевые слова: денежная биржа, римские банкиры, Ianus medius, храм Кастора, Римский форум.

Кредитно-банковской деятельностью в древнем Риме занимались несколько категорий предпринимателей. Среди них стоит отметить так называемых «процентчиков» (feneratores), специализировавшихся на предоставлении займов под процент, а также владельцев обменных контор, которые, помимо обмена денег, выполняли все основные банковские операции. В Риме их называли аргента-

Сайко Михаил Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственной службы, истории и политологии Буковинского государственного финансово-экономического университета.